

Памяти Высокопреосвященнаго Владиміра, архі- епископа Казанскаго.

Рѣчь предъ торжественнымъ собраніемъ братства св. Димитрія Ростовскаго

Исторія никогда не произносятъ своихъ приговоровъ на свѣ-
жей могилѣ. И это справедливо. Умершій только что пере-
сталъ быть тѣмъ, чѣмъ мы привыкли его знать. и въ нашемъ
представленіи всякій разъ при его имени снова появляются
всѣ его живыя черты, — мы видимъ его лицо, одежду, слы-
шимъ его голосъ, вамъ ясно рисуется его поступъ, весь его
наружный складъ, мы воспроизводимъ его склонности, привыч-
ки, припоминаемъ его нравъ, образъ жизни, качества духа,
словомъ онъ живъ въ нашей душѣ въ томъ самомъ видѣ, въ
какомъ существовалъ на самомъ дѣлѣ. нося постоянное имя
и занимая опредѣленное положеніе въ обществѣ. Мы еще не
свыклись съ пустотой, которая образовалась здѣсь на его мѣстѣ
и которая кажется намъ странной, неовытнотной, какъ будто бы
необъяснимой. Мы не въ состояніи оторваться отъ мысли, что
на этомъ мѣстѣ прежнее лицо, что въ зидности не произошло
никакой перемѣны. Все какъ будто бы по старому, и ваши
воспоминанія съ не преодолимой силой выдвигаютъ образъ
умершаго, который, такъ сказать, стоитъ на пути у всякой
мысли, у всякаго чувства и представленія; мы принуждены
наталкиваться на него то и дѣло, какъ это было при жизни
покойнаго, среди нашихъ повседневныхъ отношеній съ нимъ.
Самая могила его стоитъ еще слишкомъ высоко, не осѣла, не
окрѣпла, не соединилась съ землей и своей свѣжестью, пови-
димому, нарушаетъ тихое и мирное тѣніе кладбища, произ-
водитъ нѣкоторый переполохъ и тревогу въ его загадочномъ
свѣ. Она какъ будто еще сыра отъ слезъ, пролитыхъ на ней
осиротѣлой семьей родныхъ, друзей, знакомыхъ и другихъ
близкихъ лицъ. А эти люди, вернувшись съ погребенія, ка-
жется, и не думали хоронить дорогое существо. Они продол-

жають плакати по немъ, когда, замѣчаютъ его отсутствіе; они видятъ его точно наяву, когда уходятъ въ прошлое и когда воспоминаніе возстановляетъ передъ ними картину за картиной минувшую жизнь, въ которой, какъ и имъ, было отведено умершему такъ недавно свое мѣсто. Такимъ образомъ, тѣнь умершаго продолжаетъ оставаться живымъ созданіемъ воображенія, а имя его—центромъ, около котораго дружно тѣснятся цѣлою толпою самыя горячія, самыя задушевные чувства. И здѣсь пока не своевременно появленіе науки. Холодная, неумолимая, неподкупная, она была бы слишкомъ неумѣстной съ своимъ безучастіемъ въ обществѣ людей, души которыхъ переполнены. Не желая знать ничего, кромѣ требованій суровой истины, она всюду торопится производить свою безсердечную анатомію холоднымъ ножомъ леденящей критики; но кто бы согласился отдать тѣло любимаго существа, хотя бы безчувственное, хотя бы бездыханное, ножу любопытнаго, что-бы видѣть, какъ онъ сталъ бы разсѣкать на части кости и мышцы, которымъ всего только вчера было больно. Было бы бесполезной жестокостью производить подобную правдивую анатомію надъ тѣнью недавно умершаго человѣка. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вырывать образъ его изъ сердца людей, для которыхъ онъ составляетъ самое завѣтное воспоминаніе и которые безъ того уже потрясены тяжелой утратой! Зачѣмъ изъ горя дѣлать страданіе! Зачѣмъ грубымъ разсѣченіемъ живого образа и насильственнымъ извлеченіемъ его изъ сердца ближнихъ производить это своего рода внутреннее кровопролитіе! Наука усѣетъ взять все, что по праву принадлежитъ ей. Наступитъ время, когда живыя связи, которыя теперь прикрѣпляютъ къ сердцу постоянно носимый образъ сами собой порвутся, воспоминаніе одряхлѣетъ, настоящія чувства, потерявши свою теперешнюю страстность, обветшаютъ, и тогда она съ достоинствомъ и смѣло приступитъ къ своему дѣлу, спокойная и холодная, чуждая всякаго пристрастія и теплоты. Она все разберетъ, все разсмотритъ, все оцѣнитъ, все взвѣситъ и вынесетъ свой строгій и справедливый судъ.

На эти размышленія невольно наводитъ недавно происшедшая смерть Казанскаго архіепископа Владиміра.

Имя почившаго іерарха навѣрное въ памяти многихъ изъ присутствующихъ здѣсь лицъ возстановляетъ торжественныя и шумныя событія, случившіяся въ Томскѣ семнадцать лѣтъ тому назадъ. Они безъ сомнѣнія припоминаютъ теперь, какъ 13 марта 1880 года въ нашемъ маленькомъ кафедральномъ соборѣ во множествѣ тѣснился народъ, какъ лица всѣхъ въ напряженіи тянулись къ западной части храма съ намѣреніемъ рассмотреть что то въ высшей степени любопытное и небывалое: тамъ въ присутствіи двухъ архіереевъ, Томскаго Петра и Тобольскаго Ефрема, происходило нареченіе тогдашняго начальника Алтайской миссіи архимандрита Владиміра епископомъ Бійскимъ, первымъ викаріемъ Томской епархіи. Они вспоминаютъ затѣмъ, какъ черезъ три дня послѣ того тотъ же народъ новой громадной толпой окружалъ церковь Живоосваго Источника (нынѣ семинарская), собравшись сюда на самую хиротовію. Между ними, быть можетъ, найдутся и нѣкоторые изъ тѣхъ пятидесяти человекъ, которые явились въ залъ новаго архіерейскаго дома, что бы принести поздравленіе вновь поставленному епископу, и получили приглашеніе принять участіе въ торжественномъ обѣдѣ. Наконецъ, здѣсь быть можетъ, есть кто нибудь и изъ тѣхъ четырехъ священниковъ, которые поднесли епископу Владиміру икону и почетный адресъ, напомнивъ въ немъ, что они его ученики по семинаріи, и высказавъ нѣсколько мыслей, давшихъ чувствуемому лицу поводъ подумать о томъ, какимъ долженъ быть епископъ соотвѣтственно своему идеалу. Многія дальнѣйшія событія, связанныя съ именемъ епископа Владиміра и судьбою нашего края, быть можетъ, также оживаютъ въ памяти находящихся здѣсь его современниковъ. Этотъ епископъ Владиміръ и есть никто иной, какъ скончавшійся недавно Казанскій святитель. Такимъ образомъ его имя, произнесенное здѣсь, не есть пустой, звукъ; слыша его, не зададутъ холоднаго, ничего не значущаго вопроса: „а кто такой умершій“? и не отойдутъ равно-

душно прочь, не выкинувъ даже въ отвѣтъ. Нѣтъ, это имя вызываетъ въ умахъ слушателей цѣльный образъ живого человѣка, полный ясныхъ чертъ, трепетнаго движенія, глубокихъ воспоминаній и неспоримаго значенія. Архіепископъ Владиміръ здѣсь жилъ, училъ, управлялъ. Онъ сталкивался съ людьми, производилъ на нихъ впечатлѣнія, оставляя въ душахъ тѣ или другіе слѣды, тѣ или другія чувства. Эти впечатлѣнія и чувства густой живою сѣтью окружили представляемую душой личность святителя и помогли выносить его образъ, который долженъ былъ благодаря тому тѣсно слиться съ воспоминаніями оставшихся въ живыхъ и знавшихъ его современниковъ.

Почившій, по своему служебному положенію и дѣятельности, принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которымъ смерть сразу доставляетъ историческое безсмертіе, превращая ихъ, такъ сказать, въ полную историческую собственность. Собственность, говоримъ мы, — значитъ исторія, какъ полновластная распорядительница того, что составляетъ ея неоспоримую принадлежность, обладаетъ по отношенію къ такимъ людямъ какъ бы правомъ *utendi* и *abutendi*. Первое право *utendi*, употреблять, почерпается исторіею въ званіи науки, какъ представительницы общественнаго или народнаго ума, судящаго и умозаключающаго. Историческое лицо при своей жизни и дѣятельности держитъ въ своихъ рукахъ многія судьбы народа, производитъ перемѣны въ ихъ теченіи и очень нерѣдко вліяетъ на ихъ исходъ. Поэтому онъ волей неволей становится отвѣтственнымъ передъ будущими поколѣніями, которыя въ лицѣ своихъ ученыхъ и оцѣниваютъ его дѣятельность. Эта оцѣнка, разумѣется, должна быть строгой, но въ тоже время и безпристрастной; а между тѣмъ ошибки и заблужденія составляютъ исконную, неизбежную участь человѣческаго ума. Вотъ почему онъ весьма часто подвергается памфренному или ненамфренному искушенію злоупотребить своимъ правомъ полновластнаго владѣльца исторической собственности и представить выводы и заключенія, которыя, быть можетъ, не будутъ выраженіемъ истины. Отсюда появляется возможность, которую наука, въ качествѣ полно-

властнаго владѣльца своей собственности, почитаетъ правомъ, злоупотреблять, *abutendi*. Признаемъ за ней первое право, *utendi*; и простимъ ей второе *abutendi*, такъ какъ оно возникаетъ изъ естественныхъ несовершенствъ человѣческаго ума. Но вмѣстѣ съ тѣмъ удержимъ за собой также право потребовать у науки сдержанности и уваженія къ человѣческимъ чувствамъ. Пусть она не торопится вступать въ свои владѣнія и подождетъ подвергаться суровой расправѣ еще, такъ сказать, не остывшій образъ; пусть она воздержится отъ вивисекціи и отложить свою оцѣнку личности арх. Владиміра до отдаленнаго будущаго, пусть сердце на этотъ разъ перевѣситъ мозгъ.

И такъ что же, — молчаніе? Надо ждать того времени, когда пройдутъ успокоительные годы, и все покроетъ бѣдная пыль прошлаго? когда подобно муміи засохнетъ и истлѣетъ послѣднее чувство, оставленное покойнымъ по себѣ въ душахъ живыхъ людей? когда замретъ послѣднее воспоминаніе о немъ? Нѣтъ, если гдѣ, то именно здѣсь, въ этомъ собраніи мы не можемъ умолчать о почившемъ. Онъ былъ основателемъ братства св. Дмитрія Ростовскаго въ Томскѣ; слѣдовательно тѣ плоды на пользу церкви, которые принесла его дѣятельность съ 1885 г. до настоящаго времени, обязаны заботамъ арх. Владиміра, какъ своей главной, хотя и отдаленной причинѣ. Почтенное собраніе конечно уже раньше моихъ словъ поняло это и въ настоящій разъ чувствуетъ въ себѣ потребность посвятить нѣсколько минутъ воспоминазіямъ объ учредителѣ братства. Правда самъ онъ теперь нуждается болѣе въ молитвахъ со стороны живыхъ собратьевъ, чѣмъ въ какихъ либо воспоминавіяхъ; но воспоминаніе нужно для насъ. Оно составляетъ нить, которая соединяетъ въ человѣческомъ сознаніи прошлое и настоящее, и помогаетъ пережить то, что когда то было непосредственной дѣйствительностью. Оно уничтожаетъ всякія разстоянія, полагаемыя въ человѣческой жизни временемъ, и въ одномъ полетѣ воображенія можетъ вывести предъ сознаніемъ сразу цѣлую преемственность поколѣній. Тогда человѣкъ чувствуетъ себя частью великой семьи, прежніе люди, сошедшіе

въ могилу, оживаютъ въ его душѣ, въ этомъ единеніи съ прошлымъ сознаніе его почерпаетъ новыя силы, въ немъ ощущается подъемъ, какъ будто бы крылья отростають у него. Такимъ образомъ нѣсколько минутъ напряженія памяти, непродолжительное усиліе воображенія съ нашей стороны, — и мы у рубежа прошлаго и настоящаго, передъ нами пройдетъ тѣнь почившаго іерарха, оживляя въ насъ минувшее и пробуждая въ сознаніи такія силы, которыя бездѣйствовали бы въ обычное время.

Мнѣ выпала честь помочь нѣсколько этому внутреннему духовному возрожденію въ васъ образа умершаго святителя. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ исторической оцѣнкѣ его личности и дѣятельности, все это принадлежитъ будущему; мнѣ бы хотѣлось только оживить въ общемъ сознаніи нѣсколько его чертъ и при томъ самыхъ замѣтныхъ, самыхъ ясныхъ и выпуклыхъ, самыхъ выдающихся. Я почту цѣль свою достигнутой, если мои слова побудятъ васъ, м.м. г.г., погрузиться въ непродолжительное раздумье, достаточно впрочемъ глубокое, чтобы образъ архіепископа Владиміра былъ озаренъ въ душѣ всѣмъ яркимъ свѣтомъ воспоминанія. При этомъ я заранее прошу простить мнѣ, если эта утовченая работа, требующая большой опытности и психологическаго такта, будетъ исполнена мной недостаточно умѣло, если моя неуклюжая рѣчь и неловкія тѣлодвиженія что нибудь задѣвнутъ слишкомъ грубо или неумѣстно.

Намъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, кто такой по рожденію, воспитанію и службѣ былъ скончавшійся архіепископъ Владиміръ. Его отецъ — сначала причетникъ, изъ рода довскихъ казаковъ, потомъ наконецъ священникъ Алтайской жепской общины. Его мірское имя Иванъ Степановичъ Петровъ. Окончивши курсъ въ Воронежской духовной семинаріи, онъ былъ отпращенъ въ Кіевскую академію, здѣсь онъ принялъ постриженіе съ именемъ Владиміра и выпелъ магистромъ богословія. Далѣе начинается обычная служба образованнаго монаха по вазначенію свыше на разныя мѣста обширной родины. На-

чавъ службу съ учителя Орловской духовной семинаріи, онъ посылается послѣ того въ Иркутскъ, затѣмъ къ намъ въ Томскъ на должность инспектора семинаріи, далѣе на должность инспектора духовной академіи въ Петербургъ въ званіи архимандрита, откуда снова въ Сибирь начальникомъ Алтайской миссіи. Здѣсь онъ остается на очень продолжительное время, пока въ 1880 году не былъ поставленъ епископомъ Бійскимъ; изъ Бійска черезъ три года онъ былъ переведенъ въ Томскъ на кафедру епархіального архіерея. Послѣ того онъ по очереди занималъ епископскія кафедры съ 1886 г. въ Ставрополѣ, съ конца 1889 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ и наконецъ съ мая 1892 года въ Казани, гдѣ и скончался минувшаго 2 сентября. Служа въ здѣшней епархіи, онъ устроилъ Алтайскую миссію, открылъ Киргизскую; собственно въ Томскѣ значительно расширилъ домовую архіерейскую церковь, открылъ женское епархіальное училище, возстановилъ изъ развалинъ Троицкій соборъ, возобновивъ работы на немъ, учредилъ двѣ стипендіи при духовной семинаріи, завелъ при архіерейской домовой церкви религіозно-нравственныя чтенія и открылъ противораскольническое братство св. Димитрія Ростовскаго.

Вотъ бѣглый очеркъ жизни архіепископа Владиміра и краткій, сухой перечень части его дѣлъ; о другой части ихъ сказалъ бы его полный формуляръ, если бы онъ былъ обнародованъ. Этотъ очеркъ и этотъ перечень ни о чемъ особенномъ не говорятъ нашему уму. Языкъ, тонъ и характеръ подобнаго рода очерковъ и перечней почти съ буквальной точностью могутъ быть повторены въ примѣненіи къ любому дѣятелю, занимавшему при жизни высокую должность, такъ что здѣсь скорѣе изображается намъ эта самая должность, чѣмъ лицо, состоявшее на ней. Перемѣщенія, цифры, года, распоряженія, учрежденія — все это только внѣшняя сторона; въ человѣкѣ есть еще другая, внутренняя, духовная, которая наиболѣе скрыта отъ наблюдателя, но зато и наиболѣе любопытна и важна, она объясняетъ первую, придаетъ ей смыслъ и понятное значеніе. Попытаемся проникнуть въ эту заповѣдную область.

Есть разные характеры людей. Одни способны къ многочисленнымъ и разнообразнымъ волненіямъ, но не способны задерживать въ себѣ слѣдовъ ихъ. Волненія ихъ часты и сильны, но не глубоки; это своего рода вѣтры и вихри. Они неожиданно и быстро, какъ порывъ вѣтра въ тихую и ясную погоду, налетятъ на душу, взволнуютъ, замутятъ ее и потомъ мгновенно исчезнутъ, оставивъ послѣ себя прежнюю ясность и тишину, какъ будто ничего не бывало. Ихъ душевная жизнь идетъ какъ бы вспышками; они чувствуютъ обыкновенно горячо, но не на долго; въ гнѣвѣ они отходчивы, въ радости шумны, какъ дѣти. Это счастливые характеры; но они составляютъ низшую степень душевнаго развитія. Ихъ душа живетъ, такъ сказать, одной своей поверхностью; на ней могутъ быть громадныя волненія, даже бури; и однако ни одно изъ этихъ волненій не проходитъ въ глубину; послѣдняя остается не тронутой и ничто въ ней не пробуждается къ жизни. Когда поверхность приходитъ въ спокойное состояніе, въ душѣ не остается никакого слѣда, она, такъ сказать, цѣла и бодря по старому. Благодаря этой крайней подвижности душевныхъ состояній, подобные люди нуждаются постоянно въ новыхъ впечатлѣніяхъ и дѣятельности. Но дѣятельность ихъ преимущественно внѣшняго характера и непостоянна. Отдаться какому нибудь одному дѣлу, позволить охватить себя одной широкой идеей они не способны. Они легкомысленны, ихъ душа требуетъ непрерывной смѣны впечатлѣній, количество, разнообразіе и быстрота которыхъ ихъ насущная пища. Въ нихъ все текуче, все мимолетно, все держится только на мгновеніе; глубокая идея не можетъ запасть въ ихъ душу, привлечь къ себѣ всѣ ея силы и организовать тамъ въ громадное, потрясающее созерцаніе, въ великое убѣжденіе. Для этого необходима способность къ постояннымъ, продолжительнымъ и глубокимъ чувствамъ, которыя имъ совершенно несвойственны.

Другіе люди составляютъ полную противоположность имъ. Они чувствуютъ меньше въ количественномъ отношеніи, но зато каждое ихъ чувство, каждое волненіе постепенно захва-

тывается всё силы души, проникая до самой глубины. Здѣсь въ тишинѣ ея нѣдръ то и дѣло происходитъ осадокъ слѣдовъ отъ переживаемыхъ чувствъ и впечатлѣній; на почвѣ этого осадка мало по малу завязывается великое созерцаніе, организуется и вырастаетъ глубочайшая идея. Скоро она становится основнымъ біеніемъ внутренней жизни. Тогда вся душевная дѣятельность получаетъ изумительное единство и связность; создается прочнѣйшая внутренняя организація. Тогда уже не можетъ быть разрозненныхъ состояній, не связанныхъ между собою чувствъ и волненій, не оставляющихъ благодаря своей быстротѣ слѣдовъ. Напротивъ теперь каждое чувство, каждый мигъ душевнаго существованія пробуждаетъ другія чувства и волненія и въ этой общей связной ихъ жизнедѣятельности получаетъ смыслъ и глубокое значеніе. Здѣсь невозможна или почти невозможна никакая отрывочность. Вотъ почему у такихъ лицъ развивается обыкновенно изумительная внутренняя чуткость, склонность и умѣнье подмѣчать самыя повидимому неуловимыя и мимолетныя душевныя состоянія. Ни одно изъ нихъ не ускользнетъ отъ ихъ вниманія, ни одно не пройдетъ по поверхности души, не задѣвъ ея глубинъ. Такимъ образомъ здѣсь открывается широкое поле для самонаблюденія, самокритики, а слѣдовательно и для самоусовершенствованія. Эти люди не могутъ довольствоваться тѣми мелкими впечатлѣніями, какія доставляетъ обыденная жизнь. Слишкомъ чуткіе ко всему и привыкшіе все взвѣшивать, они сильнѣе всякаго другого понимаютъ сравнительную цѣнность своихъ чувствъ и такъ сказать щадятъ силы души, находя ихъ достойными только для высшихъ проявленій. Это идеальные люди. Они постоянно чувствуютъ въ себѣ неопредѣленные, но и непреодолимые порывы ввысь. Они несчастны, унылы и разочарованы, если имъ не удалось сосредоточить всѣхъ силъ души на какой-нибудь всеобъемлющей идеѣ и увести съ нею къ созерцанію нравственныхъ высотъ; и наоборотъ они счастливы, когда найдена такая идея. Идея съ ея созерцаніемъ необходима для нихъ. Она одна въ состояніи всецѣло поглотить силы

ИХЪ ДУХА, КАКЪ ЕДИНСТВЕННО ЦѢННЫЙ И ДОСТОЙНЫЙ ВОЗБУДИТЕЛЬ
ИХЪ; ОНА ЖЕ ОДНА ВЪ СОСТОЯНІИ И ДОСТАВИТЬ ИМЪ ВЫСШЕЕ СПО-
КОЙСТВІЕ, КАКЪ СЛѢДСТВІЕ УТОЛЕННОЙ ЖАЖДЫ, КАКЪ СЛѢДСТВІЕ СО-
ЗНАНІЯ, ЧТО ДУША НАШЛА СВОЕ ВЫРАЖЕНІЕ, СВОЮ ЖИЗНЕННУЮ ФОР-
МУЛУ, ПОСТИГЛА НАКОНЕЦЪ САМУ СЕБЯ. *М. Лебедевъ.*

(Продолженіе будетъ).

Памяти Высокопреосвященнаго Владиміра, архі- епископа Казанскаго.

Рѣчь предъ торжественнымъ собраніемъ братства св. Дмитрія Ростовскаго.

(Окончаніе *).

Изучая личность покойнаго архіепископа по болѣе задушевнымъ ея проявленіямъ, невольно приходишь къ заключенію, что онъ принадлежитъ къ послѣднему роду юдей. О немъ разъ уже всенародно сказано, что онъ обладалъ материнскою вѣжностью. Это, дѣйствительно, основное его свойство; впечатлительность и сила его воспримчивости необычайны. Удивительно, какъ могла сохраниться такая чувствительность въ человѣкѣ, по душѣ котораго прошла пятнадцатилѣтняя школьная выправка; но еще болѣе удивительно то, что она уцѣлѣла въ немъ послѣ жазвенныхъ ипытаній. Кто изъ насъ не чер-

---

* См. № 19.

ствѣтъ подѣ ударами житейскихъ невзгодъ и кто не теряетъ прежнихъ свѣжихъ порывовъ молодыхъ лѣтъ, безжалостно потомъ клеймя ихъ презрительнымъ именемъ ребячества, вѣопытности, пустыхъ иллюзій, обманчивыхъ грезъ, разныхъ мыльныхъ пузырей дѣтства. Мы даже радуемся потомъ такому отрезвленію и сожалѣемъ только о томъ, что оно не вступило раньше. Но эта обыкновенная участь человѣка, которая вмѣстѣ съ отрезвленіемъ влечетъ за собою многія потери, прошла мимо архіепископа Владимира. Его сердце не сдѣлалось жестче ни отъ житейскихъ бурь ни отъ лѣтъ; онъ всегда оставался человѣкомъ мягкимъ, сердечнымъ, способнымъ къ трогательной и продолжительной привязанности къ людямъ. Онъ имѣлъ близкихъ друзей, съ которыми всю жизнь велъ самую откровенную и самую душевную переписку. Онъ дорожитъ своими дружескими связями и сознается, что ему «невыразимо горька была бы измѣна на худшее въ другѣ». Онъ испытываетъ самое живое чувство радости, если убѣждается въ прежнихъ чувствахъ къ себѣ со стороны друзей и замѣчаетъ по этому поводу на своемъ характерномъ языкѣ: «кто недавнее, мимолетное, минутное помяветъ, то ему глазъ вонъ, а кто стараго не помянетъ, у того сердце вонъ». Онъ никогда не могъ забыть Алтая, гдѣ покинулъ могилу своего отца; самая разлука съ этимъ мѣстомъ его продолжительнаго служенія была въ высшей степени трогательна и чувствительна до женственности. Посѣтивъ родину на пути въ Ставрополь, слѣдовательно уже въ довольно преклонныхъ лѣтахъ, и испытавъ тамъ повятныя волненія на родственныхъ могилахъ, онъ горячо благодаритъ Бога за эту милость. И такая чувствительность не ограничивается одною областью личнаго я или тѣснымъ кругомъ ближайшихъ и преданныхъ людей,—порой она доходитъ до экстатической жажды обнять все человѣчество. «О если бы не къ одному о. В., восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, дана была мнѣ убогому такая любовь, какая дана—къ о. В.»!

На почвѣ такой богатой чувствительности вполне могли развиваться порывы, свойственные человѣку не отъ міра сего. И надо думать, что подобнаго рода порывы и были именно глубо-

чайшими стремленіями души почившаго. Его набожность и благоговѣніе передъ предметами вѣры не подлежатъ сомнѣнію; его до глубины души возмущала всякая небрежность въ богослуженіи и онъ обыкновенно не звалъ никакого лицепріятія, если по долгу архипастыря ему приходилось имѣть дѣло съ подобными проступками. Эта религіозность соединилась потомъ съ высокой идеей епископскаго служенія и окончательно образовала вмѣстѣ съ нею внутреннюю существеннѣйшую основу его личности. Когда читаешь его собственное описаніе возведенія въ санъ епископа—разумѣется, торжественнѣйшихъ и священнѣйшихъ минутъ въ его жизни, невольно проникаешься той силой духовнаго озаренія, какую переживалъ въ ту пору онъ. Мѣсто и обстановка „нареченія не были обычны, говорить онъ, т. е. не въ присутственной комнатѣ Святѣйшаго Синода, а среди Томскаго кафедральнаго собора (на западѣ отъ мѣста кафедры) предъ столомъ съ крестомъ и евангеліемъ, по сторонамъ коего сидѣли два видимыхъ архіерея, а мѣсто предсѣдателя даже и кресломъ не было занято... напротивъ нарекаемаго, взоръ его необходимо и естественно шелъ дальше—къ св. царскимъ дверямъ, на сей разъ открытымъ, и видимому св. престолу невидимаго, но вездѣ присущаго Пастыреначальника—Главы св. Церкви—съ Отцемъ и Св. Духомъ. Повидимому здѣсь только сопоставленіе, а между тѣмъ черезъ нѣсколько строкъ мы прочтемъ мѣсто, которое убѣждаетъ насъ въ противномъ. Описывая самую свою хиротонію и называя себя больше, чѣмъ непотребнымъ, онъ замѣчаетъ: „я азъ убогій, елико могъ, молился о нихже обязавъ есть молитися... паче же о всѣхъ, ибо дано было чувствовать, что есть церковь святая и ея молитвы... Да—въ церкви наше спасеніе! въ ея—вѣтъ его ни при какихъ подвигахъ и заслугахъ и достоинствахъ!“. Въ этихъ строчкахъ невольно чувствуется, какъ глубоко потрясена была душа новопоставленнаго епископа идеей церкви и высшаго служенія ей. Предъ нимъ открывалась во всемъ своемъ безпредѣльномъ величіи и во всей своей недосягаемой высотѣ идея таинственныхъ отношеній Христа къ

искупленному имъ человечеству, онъ созерцалъ его объединеннымъ подъ благодатнымъ осѣненіемъ Св. Троицы въ присутствіи Сына Божія, какъ верховнаго архіерея учрежденной имъ Церкви. Идея эта—одна изъ тѣхъ, которыя никогда не ветшаютъ, всецѣло прошла въ его растворенную душу, оварила ее небывалымъ свѣтомъ и вырвала изъ нея благоговѣйный стонъ, или подобіе крика, исполненнаго священнаго восторга. „Господи мой, Господи!... Что сіе, еже о мнѣ хошетъ быть таинство? И еще что реку и возглаголю? Овѣмѣхъ и смирихся отъ благъ, яже Ты сотворилъ еси и хошеши сотворити ми, Господи мой, Господи!“ . Этотъ пламенный возгласъ живо напоминаетъ восклицаніе одного аскета, который чувствовалъ себя не въ силахъ выдержать разлитіе благодатнаго наитія и въ восхваленіи молился: „Господи, ослаби волны благодати!“ . Посреди этого животрепещущаго оваренія просвѣтленному взору святителя ясно видна была таинственная лѣстница, по которой настырь поднимается на небо вмѣстѣ съ пасомыми—наглядное выраженіе идеи тѣснѣйшаго единенія всего человечества посредствомъ участія въ церкви.

Различныя перемѣны въ жизни человѣка, какъ и въ неодушевленной природѣ, подготавливаются обыкновенно медленнымъ путемъ. Это общее правило, которое прекрасно выважаетъ извѣстная латинская поговорка: *gutta lapidem cavat non vi, sed saepe cadendo* (капля долбитъ камень не силой, а благодаря частому паденью). Тѣмъ не менѣе отсюда бывають весьма перѣдкія исключенія: какъ въ жертвой природѣ, такъ точно и въ жизни человѣка случаются внезапныя потрясенія, которыя сразу производять глубочайшіе перевороты. Въ природѣ они измѣняютъ очертавія морей, направленіе рѣкъ, поверхность суши и пр.; въ жизни человѣка или сопровождаются кореннымъ измѣненіемъ всего внутренняго склада они по крайней мѣрѣ придаютъ ему нѣсколько совершенно новыхъ чертъ. Извѣстно, напримѣръ, что Достоевскій вернулся съ каторги безусловно другимъ человѣкомъ, и кто знаетъ—быть можетъ его старецъ Зосима или Алеша Карамазовъ, посредствомъ лич-

ности которыхъ онъ сдѣлалъ такой энергичный шагъ къ духовному возрожденію нашей интеллигенціи, совсѣмъ не явился бы на свѣтъ, если бы онъ не выстрадалъ нѣкоторыхъ своихъ идей среди ужасовъ наказанія. Можно думать, что нѣчто подобное случилось и съ личностью воспоминаемаго нами іерарха. Всецѣло переживувавъ безпредѣльную идею всеобщаго единенія въ Церкви и потрясенный сознаніемъ всей важности своего служенія, онъ нашелъ окончательное опредѣленіе своей внутренней жизнецѣльности. Съ этого времени всѣ прежніе, быть-можетъ, не совсѣмъ ясные и отчетливые порывы ввысь теперь получили однажды навсегда свое наилучшее выраженіе. Основная идея заняла центральное мѣсто, и душа, такъ сказать, простерлась у ея ногъ, растворенная и умиленная. Въ ней не осталось болѣе равноправныхъ силъ, всѣ онѣ подчинились одной главнѣйшей, образовавъ вокругъ нея стройную систему соподчиненія. Идея оказалась организующимъ началомъ.

Первымъ слѣдствіемъ этого подчиненія высокой идеѣ было глубочайшее смиреніе святителя. Не ради красиваго слова, но съ полной и несомнѣнной искренностью онъ почиталъ себя «непотребнымъ»; привыкнувъ къ суровому климату Сибири и попавъ въ теплый Ставрополь съ богатой растительностью, онъ замѣчаетъ: «не слишкомъ ли много для меня». Онъ совсѣмъ не считаетъ себя достойнымъ какого либо выбора въ мѣстахъ служенія, — «никакой епархіи вѣсмы достоинъ, говоритъ онъ, и потому всякая, сѣверная и южная, — цаче мѣры моя». Это — совершенное отреченіе отъ собственной воли и полная готовность дѣлать то, что укажетъ Промыслъ, потому что и самое епископское служеніе возложено на него тѣмъ же Промысломъ. Какой можетъ быть расчетъ при его божественныхъ рѣшеніяхъ! Онъ явогда даже колеблется устроить себѣ лучшее помѣщеніе вмѣсто тѣснаго и сырого, такъ какъ въ этомъ случаѣ встрѣчается помѣха къ устройенію „собственной внутренней духовной храмины. «Не оставить ли всякую мысль о всякомъ ввѣшнемъ строеніи? Что нужды, если благодаря сырогнилому

воздуху проживу ни семь свѣтъ нѣсколько мезьше: рядъ грѣхонъ будетъ короче“. Таже самая мысль приходитъ ему и тогда, когда врачъ требовалъ радикально измѣнить діету. Онъ не слушаетъ врача и готовъ „маяться“, хотя „по сей причинѣ годы жизни укоротятся“; это для него не составляетъ зла, потому что «серія грѣхонъ будетъ короче». Самыя радости жизни и житейскіе успѣхи, выпавшіе на его долю въ послѣдніе годы, даютъ ему только поводъ вспомнить о Богѣ. Видитъ ли онъ «свѣтлыя царскія очи», слышитъ ли «благую рѣчь Царскую»; видитъ ли родныя мѣста послѣ долгой разлуки, — онъ спѣшитъ воскликнуть: «о всемъ слава Богу!».

Разъ вся жизнь назначается на служеніе высшей идеѣ и главнымъ устройтелемъ ея является Промыслъ Божій, то вопросы карьеры теряютъ всякую цѣнность и значеніе. Эти крайне деликатные и щекотливые вопросы часто съ успѣхомъ рѣшаются благодаря самымъ ничтожнымъ случайностямъ: какойнибудь встрѣчѣ, первому впечатлѣнію, короткому разговору. Люди, для которыхъ подобныя вопросы составляютъ въ жизни все, съ жадностью хватаются за всякую благопріятную случайность, стремясь извлечь изъ нея хотя какуюнибудь выгоду. Они дѣлаются лукавыми, провырливыми, двоедушными. Ничего подобнаго нельзя сказать по отношенію къ почившему. Онъ былъ прямой человѣкъ. Очутившись однажды въ такомъ положеніи, въ которомъ другой употребилъ-бы всѣ старанія произвести впечатлѣніе, выставить себя съ какойнибудь необыкновенной и невиданно-хорошей стороны, онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ всегда. «При семъ случаѣ, какъ и вездѣ и всегда, пишетъ онъ, не старался казаться инымъ, лучшимъ своей дѣйствительности (да если бы и захотѣлъ, не смогъ бы). Не знаю, какое впечатлѣніе составилъ N... о моей особѣ: по крайней мѣрѣ увидѣлъ онъ, кто азъ есмь, и не будетъ имѣть представленія о мнѣ на основаніи показанія сторонняго, преувеличивающаго или къ лучшему, или къ худшему». Съ такою же прямою поступалъ онъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе показывали желаніе воспользоваться имъ въ видахъ личныхъ

выходъ. Онъ писалъ изъ Ставрополя: «благодаря близости моей родины, явилось было множество орловъ, а за ними видѣлись еще новыя стаи орловъ, орлицъ и орлятъ, по рѣчевому: идѣже трупъ, тамъ будутъ и орли. Но на сей разъ оказалось, что трупъ способенъ несовсѣмъ пассивно относиться къ покушеніямъ стаи орлиной, разъ два далъ себя клюнуть, да и сдѣлалъ жестъ такой, что стая ве рѣшается нападать». Въ силу такого природнаго отвращенія ко лжи и притворству, а отсюда и ко всему тому, что напоминаетъ эти пороки хотя бы одною простою неискренностью, архіепископъ Владиміръ не любилъ выступать съ печатнымъ словомъ. Когда у него пропали что вибудь для обнародованія, онъ шутливо объявлялъ себя «мамограмотнымъ». Должно быть, печать требовала слишкомъ много уступокъ и неискренности являлась бы здѣсь прямою, неизбежною необходимостью. Оттого онъ всегда предпочиталъ въ своей пастырской дѣятельности изустное слово, изустное наставленіе, пользуясь такимъ образомъ преимуществами простой, сердечвой бесѣды предъ сочиненной проповѣдью.

Хотѣлось бы еще и еще остановиться на привлекательныхъ чертахъ почившаго святителя. Но я уже уснѣлъ достаточно утопить вниманіе достопочтеннаго собранія и боюсь долѣе злоупотреблять его свисходительностью.

М. Лебедевъ.